

Р. Г. НАЗИРОВ (Уфа)

СКАЗОЧНЫЕ ТАЛИСМАНЫ НЕВИДИМОСТИ

I

В мировом фольклоре бытует ряд сюжетов, в которых в качестве основного или эпизодического героя выступает невидимый человек; например, русская сказка о невидимом слуге «Пойди туда, не знаю куда» (АТ 465 А). Особенно интересен «Благодарный мертвец» (АТ 506 и 507): герой хоронит мертвеца, и в благодарность за услугу тот становится помощником героя, помогает ему жениться на встающей из гроба царевне, все женихи которой были ею съедены ночью в церкви. Это восточнославянская версия древнего сюжета, разработанного, в частности, в неканонической ветхозаветной «Книге Товита», только там вместо мертвеца фигурирует архангел Рафаил, ниспосланный помочь Товии и изгнать демона, который из любви к Сарре убивал ее женихов.

Шведский ученый С. Лилиеблад посвятил специальное исследование «Книге Товита» и сказкам о благодарном мертвце¹. Он привел несколько норвежских сказок, где героиня имеет такого ревнивого демона-любовника; волшебный помощник героя добывает шапку-невидимку и меч, с помощью которых убивает демона; в первые три брачных ночи заменяет жениха на ложе; строптивая невеста готовит нож на жениха, но помощник укрощает ее, избивая прутьями, как в русских сказках того же типа. Центральные эпизоды этого сватовства совпадают с подвигами Зигфрида, добывающего Брунхильду для Гунтера. Эта часть сюжета «Нибелунгов» существует и в сказочной версии (АТ 519, «Брунхильда»; восточнославянские варианты — «Слепой и безногий»). Этот эпизод и норвежские сказки типа АТ 507 восходят к единому архетипу.

¹ Lillieblad Sven. Die Tobiasgeschichte und andere Märchen vom toten Helfer. Lund, 1927.

Отметим, однако, исторически обусловленную градацию различий: в «Книге Товита» невеста пассивна, женихов убивает демон; в норвежских сказках есть и демон, и строптивая невеста; в сюжетах типа «Брунхильда» демона нет, а имеется лишь непокорная дева-богатырка.

Подмена жениха в сюжете АТ 519 выступает как обман невесты и вызывает после раскрытия обмана ее месть (убийство Зигфрида). Однако первоначально такой обман имел обрядовый характер.

Мотив подмены жениха зародился в эпоху перехода от матриархата к патриархату, когда еще сохранялись пережитки группового брака. Право родового коллектива на невесту осуществлялось патриархом, затем она становилась женой собственного мужа. Эти обычаи отразились в библейском рассказе об Ависаге Сунамитянке, согревавшей дряхлого царя Давида, как и в «праве первой ночи», которое перешло от родовых старшин к феодалам, было заменено денежным выкупом² и в средневековой Европе стало формальным: например, феодал перешагивал через кровать, на которой лежала невеста виллана³.

В архаике целомудрие невесты рассматривалось как препятствие к браку, и девственность внушала страх. У многих народов девушки составляли отдельную поло-возрастную группу, со своими обрядами и духом-покровителем. Такие группы участвовали в охоте и носили оружие. У савроматов девушка не имела права выйти замуж, пока не убьет хоть одного врага⁴. В аркадском мифе Аталанта заставляет женихов состязаться с нею в беге и убивает проигравших. Воинственность девушек отразилась в мифах об амазонках, поляницах и т. д.

Конфликтность отношений между полами — явление древнее. В эпоху группового брака и дислокального поселения половые связи имели сезонный характер, за пределами празднеств «супруги» избегали друг друга, и случайные встречи могли приводить к убиению мужчины⁵. Это отразилось в папуасском мифе о могучей женщине Абере. «Отношения Абере с мужчинами достаточно сложны: с одной стороны, она принуждает всех, с кем встречается, к связи с ней; с другой — она ненавидит мужчин и избегает постоянных отношений с ними, многих убивает. Абере создает женский коллектив и становится его главой, пишет Б. Н. Путилов. По его мнению, миф об Абере сохранил следы борьбы «отцовского» и «материнского» начал⁶.

² См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. XXI, с. 132

³ Этот обычай запретил Фердинанд Католик указом 1486 года.

⁴ Косвен М. О. Матриархат. М., Л., 1948, с. 12, 14.

⁵ Путилов Б. Н. Миф — обряд — песня Новой Гвинеи. М., 1980, с. 18.

⁶ Путилов Б. Н. Предисловие. — В кн.: Сказки и мифы папуасов Киван (из собрания Г. Ландтмана). М., 1977, с. 27.

Индоевропейские народы приписывали девушкам большую физическую силу, которую они утрачивают в браке, как Брунхильда в «Нибелунгах». Девственная богиня-охотница враждебна мужчинам: Актеон, подсмотревший купанье Артемиды, превращен в оленя и разорван своими же псами. Артемида беспощадна и к своим согрешившим подругам, которых превращает в медведиц или львиц. Фактически она — ненавистница брака. С мужской точки зрения покровители девственности были опасными демонами, первоначально зооморфными: Артемида была медведицей, Афина — змеей.

В Непале сохранилась легенда о дочери раджи Бхактапура. Каждый вечер ей приводили нового юношу, а наутро его находили мертвым. Однажды знатный иностранец, остановившись в доме женщины, сын которой был обречен на очередной брак с царевной, осведомился о причине рыданий хозяйки, а затем вызвался заменить юношу и тайно принес во дворец саблю. Под утро, когда царевна заснула, чужеземец увидел, что из ее ноздрей показались две темные нити, которые превратились в страшных змей. Смелчак одним ударом сабли убил обеих; утром его и царевну застали в мирной беседе. В память этого события раджа учредил Бискет Джатра («Праздник убиения змей») — ныне непальский Новый год ⁷.

Легенда содержит параллели к сюжетам АТ 506 и 507. В русских вариантах этих типов повествуется о том, что заколдованная царевна «начинена» змеями и гадами. Видимо, мотив змеи-охранительницы, живущей внутри девушки, архаичнее мотива «внешнего» демона-охранителя.

Еще первобытное человечество выработало ряд способов обрядовой нейтрализации этого демона. Изначально вообще не брали в жены девственниц: они считались не готовыми к браку. Дефлорация входила в состав их инициаций и совершалась до брака, обычно оперативным путем. На ранней стадии патриархата почти повсеместным был обычай дефлорирования девушек их отцами ⁸, отразившийся в мифах и фольклоре (АТ 510 В, АТ706). В научной литературе отмечалось, что сказочный мотив брака царя с собственной дочерью имеет раннее и широко распространенное соответствие в легитимированных кровосмесительных отношениях царя-отца с дочерью. Такие отношения считаются доказанными у инков, древних египтян, персов (Артакеркс), греков, китайцев и т. д. ⁹ «Царский брак» — пережиточное отражение более широких обычаев: известно, что многие пережитки долго сохранялись в виде исключительных привилегий царей и жрецов.

⁷ Манвелов В. И. В стране заоблачных вершин. М., 1982, с. 107—108.

⁸ Семенов Ю. И. Как возникло человечество. М., 1966, с. 307—308.

⁹ См. Rank Otto. Das Inzestmotiv in Dichtung und Sage. Lpz. / Wien, 1926.

С развитием патриархата обязанность дефлорирования девушки перешла к отцу жениха (отсюда обычай снохачества), жрецу или вождю. Когда дефлорация слилась с брачным обрядом, ответственность взял на себя специальный помощник, чтоб обезопасить жениха от мести демона девственности.

Страх перед тем же демоном породил обычай, по которому жених присутствовал на собственной свадьбе под видом случайного гостя, странника в нищенском рубище, тогда как рядом с невестой восседал нарядный двойник. Только после пира жених прокрадывался в брачный покой. У арабов Средних веков подставное лицо нанимали «для отвода дурного глаза» от жениха¹⁰. Сходные обычаи, когда жених приходил на свадьбу инкогнито, отразились в сюжете «Муж на свадьбе своей жены» (АТ 974).

Весьма любопытны реликты аналогичных древнетюркских обычаев. В традиционной чувашской свадьбе главную роль играл старший дружка жениха — «ман керу», что буквально означает «старший жених»; он носил вышитое полотенце через плечо, такое же, как у жениха, а спину его украшал вышитый «платок жениха». Подлинный жених играл в свадебной обрядности минимальную роль, а имя его было табуировано¹¹.

Славяне давно изжили остатки группового брака (его существование в начале Киевской Руси отразилось в летописях). Тем не менее, еще в 1869 г. русскими этнографами в последний раз зафиксирован такой момент новгородской свадьбы, когда дружка ложился на постель молодых¹².

Все эти обряды, возникшие для нейтрализации демона девственности, а затем переосмысленные как предохранение от порчи, дурного глаза, ворожбы колдуна или завистника, нашли широкое отражение в фольклоре. Но когда замена жениха помощником в архаических сюжетах начала возмущать патриархальную мораль, сказкам понадобились оправдания: 1) замена моральна, ибо помощник на брачном ложе ведет себя «честно»; 2) замена вынуждена, ибо сам жених не в силах сладить с невестой; 3) замена возможна, если невеста ее не распознает.

В одной из самых знаменитых арабских сказок Аладдин приказывает джинну принести ему в дом царевну Будур с ее женихом прямо на брачном ложе; затем он велит джинну до утра заткнуть жениха в отхожее место, в сам ложится с царевной, но кладет между собой и ею обнаженный меч. Так же поступает Зигфрид с Брунхильдой в «Нибелунгах». Меч на ложе гарантирует неприкосновенность девы.

¹⁰ «Тысяча и одна ночь»: «Рассказ о трех яблоках» (вставная сказка «О визире Нур-ад-дине и его брате») — ночи 19-20.

¹¹ Егоров Н. И. Чувашский саламалик. — В кн.: Чувашский фольклор. Специфика жанров. Чебоксары, 1982, с. 107—110.

¹² Жекулина В. И. Исторические изменения в свадебном обряде и поэзии (по материалам Новгородской обл.). — В кн.: Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982, с. 241.

В реальности раннего патриархата помощник не был столь сдержан: его услуга именно и заключалась в конsummации брака, что отвлекало от жениха мечь демона. Жизнь помощника тоже нуждалась в гарантиях: важно было, чтобы невеста не увидела его лица. Только тогда исключалась опасность, что она сообщит демону-покровителю имя «убийцы ее девства». Страх перед демоном оказался необычайно стойким, он пережил саму практику обрядовой замены жениха и выразился в брачных запретах (табу взаимного лицезрения брачующихся, их имен и т. п.).

У некоторых народов табу на лицезрение было односторонним: только невеста не должна была видеть лица жениха (отсюда греческие мифы о Зевсе и Семеле, Амуре и Психее). После пира ее отводили в темное помещение, и помощник жениха приходил к ней невидимым. Тем же целям служили ряжение и маскировка.

Эти последние обычаи гораздо древнее, чем реконструируемый нами брачный обычай. Ряжение в звериные шкуры и зооморфные маски возникло в среднем палеолите как охотничий прием: он и по сей день успешно применяется неграми африканских саванн при охоте на страусов. Затем такое ряжение стало необходимым элементом тотемного пира. Маски нашли широкое применение в посвященных обрядах, магических танцах, тотемистических празднествах, военных набегах и т. д. Надевший маску как бы преображался в то существо, которое она изображала (так терзали врагов «люди-леопарды», члены тайного союза в Сьерра-Леоне, против которого боролись британские колониальные власти еще в конце XIX в.).

К древнейшим «тотемно-оргиастическим праздникам», по мнению Ю. И. Семенова, восходит «ряд моментов свадебной обрядности», в том числе «обрядовое ряжение в день свадьбы под животных, чаще всего медведей»¹³. Такой тип свадебного обряда, связанный с культом медведя, был характерен и для древней Руси.

В русской обрядовой поэзии образ медведя связан с символической сватовства и брака. «Медведя видеть во сне предвещает женитьбу или замужество»¹⁴. На Руси верили, что на свадьбе невеста может быть превращена в медведицу: «Убитую медведицу признают за невесту или сваху, превращенную на свадьбе в оборотня»¹⁵. Но это верование поразительно близко к древнегреческим мифологическим рассказам о мести Артемиды или Геры, которые превращали согрешивших нимф в медведиц. Между древней Грецией и древним славянством больше общно-

¹³ Семенов Ю. И. Как возникло человечество. С. 441—442.

¹⁴ Балов А. Сон и сновидения в народных верованиях: Из этнографических материалов, собранных в Ярославской губернии.— Живая старина, 1891, вып. IV, с. 210.

¹⁵ Зеленин Д. К. Описание рукописей ученого архива императорского Русского географического общества. Вып. I, Пг., 1914, с. 259.

сти, чем может показаться поверхностному взгляду; возможно, и у древних славян причиной превращения невесты в медведицу считалась месть ревнивой богини, охранительницы девства.

В таком случае свадебное ряжение под медведей можно понимать как нейтрализацию мести, как символическое «упреждение» этого превращения, т. е. прием предохранительной магии, состоящий в уподоблении тотему, как ряженные охотники в пляске перед убитым зверем уподоблялись ему, чтобы предохранить себя от его мести.

В традиционной русской свадьбе уже не наблюдалось ряжения молодых, их только сажали на медвежий или иной густой мех (символ плодородия и богатства). Вероятно, обычай ряжения угасал постепенно, и в течение определенного периода зооморфную маску и шкуру надевал один представитель рода жениха — тот, кто первым осуществлял брачную связь. Он изображал тотемного «прародителя»: медведя, кабана, волка и т. п.

Тотемические истоки фольклорных сюжетов, отразивших интересующее нас свадебное ряжение, отметил Е. М. Мелетинский: «К сказкам о «зверином» женихе очень близки сказки о женихе в звериной шкуре (генетически они тождественны). В известной сказке Гриммов старшие сестры отвергают грязного «неумойку», ряженного в медвежью шкуру, а младшая сестра выходит за него замуж, и «Медвежья шкура» превращается в красавца. Эта сказка, несомненно, сохранила воспоминание о ритуальном ряжении в шкуру животного и о ритуальной грязи»¹⁶.

К этому ценному соображению мы хотели бы добавить одно различие: полагаем, что в раннепатриархальную эпоху шкура и маска тотемного животного надевались помощником жениха, а сам жених играл роль грязного нищего и даже в знак унижения садился в золу, как тайно вернувшийся Одиссей. Сказки, о которых говорит Е. М. Мелетинский, объединили ряженного помощника с грязным женихом.

Итак, помощник в свадебном действе выступал как тотемный предок. Дефлорация совершалась как обряд, в котором невеста отдавалась всему роду жениха в лице его родоначальника.

Но с вымиранием тотемизма, с утверждением культа предков в собственном смысле слова брачный помощник постепенно утрачивал звериные черты и превращался в предка — человека. Основатель рода, превознесенный праотец, не мог жить 969 лет, как Мафусаил, но ритуально мыслился «приходящим» и участвующим в празднествах рода. Он был «живым покойником», в его образ перевоплощался помощник жениха, а потому звериную шкуру и маску заменила, как мы полагаем, погребальная маска.

¹⁶ Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. М., 1958. с. 242.

Выше уже указывалось на полифункциональность архаических масок; в античном мире за ними в основном остались погребальные функции. В Риме такие маски были портретными¹⁷. Помощник жениха в погребальной маске стал мыслиться как конкретный предок. В Риме патрицианка, выходя замуж, перевозила в дом мужа маски своих предков. Откуда пошел этот обычай? Возможно, с переходом обязанности дефлорирования от отца невесты к свекру последний в некий переходный период продолжал играть роль отца (т. е. предка) невесты, а не жениха; для этого обряд нуждался в масках именно ее предков (актерство в духе римской традиции, у римлян даже в I в. н. э. император участвовал в собственных похоронах, представленный актером в погребальной маске).

Маска покойника нейтрализовала месть со стороны демона девственности: дефлорацию совершал предок, «отец» (исторический преемник зверя-покровителя). С невесты вина снималась обрядовым плачем и сопротивлением друзьям, роду жениха, его помощнику; сначала это сопротивление было реальным, потом — чисто символическим. Ритуальное ряжение невесты в свиную, ослиную или иную шкуру тоже отражено фольклором.

Невеста не знала, на кого пожаловаться своей богине, не знала ни лица, ни имени «виновника». Она не смела видеть его лица, даже если в брачный покой проникал свет: нарушение табу грозило ей смертью. В греческом мифе Семела по коварному наущению Геры упросила Зевса явиться ей не в обличье смертного, а в истинном виде: он предстал в виде молнии, которая испепелила Семелу. Такими мифами воспитывался страх перед лицемерием жениха. Этот мотив блестяще использовал Стендаль в «Пармской обители»: Клелия дала обет никогда не видеть Фабрицио, если он будет спасен; позже она встречается с ним в полном мраке. Древнему табу Стендаль придал новую мотивировку, но ведь и в фольклоре сюжеты сохраняются лишь путем смены мотивировок.

Затронутые нами сказочные и мифологические мотивы отразили архаические брачные обычаи: замену жениха «невидимым» помощником, ряжение и маскировку помощника, приниженность и случайность жениха и т. д. Замена производилась в плане сакрального обмана, и помощник вел себя так, словно в него вселился «предок».

Представление о браке как сочетании девушки с невидимым предком, покойником отразилось в некоторых мифах и сказках. Таков миф о похищении Керы-Персефоны царем загробного мира Аидом. У земледельческих народов свадьбы совершались обычно осенью, когда богиня растительности исчезала с лица земли.

¹⁷ См.: Кузнецов С. К. Погребальные маски, их употребление и значение. Казань, 1906; Авдеев А. Д. Маски. Опыт типологической классификации по этнографическим материалам. — Сборник Музея антропологии и этнографии. М.-Л., 1957, № 11; 1960, № 19.

Она мыслилась похищенной царем смерти, унесенной в его страну. Имя «Аидес» — составное: отрицательная приставка «а» и глагол «ейдо» (вижу). Греческое «Аид» значит «Невидимый». Похищенная этим богом, Кора сама становится невидимой, и Деметра тщетно разыскивает прекрасную дочь по всей земле. Добавим, что бог преисподней иногда назывался не Аид, а «Аидевс», что значит «делающий (людей) невидимыми».

Розыски похищенной девушки матерью (греческий миф) или женихом (русская сказка о Кашее Бессмертном) отражают части свадебного обряда. Розыски или угадывание невесты входили в традиционный комплекс русской свадьбы: «невесту прятали от жениха, он должен был стыскать ее и заплатить выкуп. ...Иногда вместо невесты выходила покрытая платком девушка или старуха»¹⁸. Прятание невесты от жениха или от его дружки, подмена невесты — это разновидности ритуального сопротивления браку, отразившиеся в сказках типа АТ 533 («Подмененная царевна») и семантически близкие к узнаванию невесты среди ее подруг в былинах о Садко в подводном царстве.

Ряжение невесты в свиную или ослиную шкуру (АТ 510 В) также восходит к указанному обрядовому комплексу, обусловленному страхом перед мезью демона девственности («предохранительная магия»).

У некоторых индоевропейских народов долго сохранялся обычай играть в прятки после свадебного пира, причем в игре участвовали молодожены. У индейцев племени хупа в Калифорнии до XX века сохранились инициации девушек, в которые входили танцы посвящаемых в течение девяти вечеров, после чего девушки прятались; их искали специальные посланцы — две старухи (представительницы «матерей») и два юноши (представители «женихсв»). При этом юноши приходили в масках, напоминающих морды морских львов¹⁹.

Группа сюжетов о женихе-мертвце (АТ 365) и сюжеты о благодарном мертвце (АТ 506 и 507) отражают один и тот же обряд, но с разных точек зрения: первые — с точки зрения девушек, вторые — с точки зрения женихов.

«Мертвые не отсутствуют, они невидимы», сказал над гробом Жюльетты Друэ великий Гюго, высоко впечатлительный к мифу. Архаическое мышление считало усопших незримо присутствующими на земле. Поэтому благодарный мертвец в сказках, он же брачный помощник в обряде, не нуждался в шапке-невидимке: невеста не могла (не смела) его видеть. Потребность сюжета в шапке-невидимке явилась тогда, когда исчезло понимание помощника как мертвца и когда замена жениха стала осознаваться как реальность (например, в «Нибелунгах»).

¹⁸ Жекулина В. И. Цитированная работа, с. 241.

¹⁹ Дридзо А., Минц Л. Девочка становится невестой. «Вокруг света», 1975, № 10, с. 70.

Понятие невидимости возникло из представлений о смерти. Благодарный мертвец был невидим, как всякий мертвец, но живому человеку понадобились талисманы невидимости. Все они имели отношение к миру мертвых.

II

В убиении Медузы Горгоны Персею помог шлем Аида, делающий его носителя невидимым. Собственно, «шлем Аида» — неточный перевод: волшебная шапка Аида называлась «кюнэ» (от «кюно» — собака) и представлялась греками как башлык из собачьей шкуры. Эту шапку надевает Афина, чтобы помочь Диомеду против Арея («Илиада», V, 844 и след.). В сценах гигантомахии в этой шапке изображался Гермес.

Гермес же снабдил Персея для его подвига серпом — древнейшим атрибутом Смерти (как позже таковым стала коса).

Почему шапка Аида сделана из собачьей шкуры? Собака — священное животное страшной Гекаты, изображаемой в сопровождении черных псов. Трехглавый Цербер — страж подземного мира. Египетский бог смерти Анубис изображался как человек с головой собаки или шакала; имя «Анубис» по-египетски означало «собачка». В мистериях Исиды этот бог выступал как проводник душ в загробный мир. В Европе по сей день живо суеверие: собака воеет к покойнику.

Иное дело на востоке: собака — священное животное иранского Ахурамазды; нередко она фигурировала как тотемное животное.

В древнем Китае племя яо в качестве своего прародителя читло героического пса Пань-гу. Князь обещал дочь в жены тому, кто принесет ему голову опаснейшего врага; Пань-гу принес эту голову и захотел обещанной награды. Он человеческим голозом попросил посадить его на семь суток под золотой колокол — тогда он превратится в человека. Все шло хорошо, но на шестой день нетерпеливая княжна приподняла колокол, чтобы посмотреть на суженого. «Тело Пань-гу уже превратилось в человеческое, и только голова все еще была собачьей, но теперь она уже не могла превратиться в человеческую. Пань-гу выбежал из-под колокола, накинул на себя одежду, а принцесса надела шапку в форме собачьей головы. И они стали мужем и женой»²⁰. В этом мифе явственно выступает тотемическое происхождение брачной маскировки, причем маски жениха и невесты, очевидно, изображали собачьи головы. Полагаем, что ритуальная маска собаки была реальным историческим прототипом шапки Аида, первым талисманом невидимости.

Вторым таким талисманом явился перстень мертвеца.

Геродот рассказывает о Кандавле, последнем лидийском царе из династии Гераклидов. Гордясь красотой жены, Кандавл пред-

²⁰ Ю а н ь К э. Мифы древнего Китая. М., 1965, с. 39.

лсжил свсему телохранителю Гигу показать ее нагой. Гиг отказался, но царь настоял на своем. Спрятанный за дверью опочивальни, Гиг видел раздевание царицы, а затем был замечен ею. Поняв присшедшее, она решила отомстить мужу; наутро, спрятав вооруженных рабов, она вызвала Гига и предложила выбор — или убить царя и жениться на ней, или тут же принять смерть. Гиг подчинился ее воле и ночью был введен в ту же спальню. Полученным от царицы кинжалом он убил Кандавля, затем женился на вдове и взшел на престол, основав династию Мермнадов²¹.

В диалоге Платона «Государство» дана иная версия падения Гераклидов: пастух Гиг после землетрясения спустился в открывшуюся пропасть и нашел много дивного, в том числе полого медного коня; внутри его лежал огромный мертвец с золотым перстнем на пальце. Взяв перстень, Гиг вернулся наверх и в обществе других пастухов обнаружил, что перстень, если повернуть его камнем к ладони, делает носителя невидимым. Тогда Гиг вызвался идти вестником к царю. Попав во дворец, он (с помощью перстня) обслыстал царицу, вместе с нею убил царя и сам взшел на престол²².

Версии Платона и Геродота давно контаминированы европейской традицией. Гиг благодаря невидимости разделил права мужа, а в результате захватил власть: ведь царство олицетворяется в женщине, «страна есть женщина». Последнее может показаться «формальным» объяснением, если забывать социально-исторический смысл этой древней метафоры — наследование через женщину (первоначально от тестя к зятю), прекрасный анализ которого дан В. Я. Проппом в его работе «Эдип в свете фольклора»²³.

Если сопоставить историю овладения лидийской царицей с помощью невидимости и обычай замены жениха, напрашивается вывод о том, что «перстень Гига» — это сюжет о брачном помощнике, превысившем свои права. Как могла возникнуть такая трансформация? Ее можно понять как следствие конфронтации двух глубоко различных культур. Богатая золотом Лидия сохраняла пережитки матриархата и считалась у греков страной распущенных нравов; по их утверждениям, лидийские девушки зарабатывали деньги на приданое своим телом. Для строго патриархальной Греции с ее запертыми в гинекее женами многое в лидийской культуре казалось диким и мерзким. Традиция замены жениха могла сохраняться у лидян, но казаться нелепостью эллинам. Видимо, сюжет о перстне Гига — греческое искажение лидийского предания, обусловленное непониманием архаических брачных обычаев.

²¹ Геродот. История. Л., 1972, с. 13—14.

²² Платон. Сочинения. Т. III, ч. 1, М., 1971, с. 133—134.

²³ Пропп В. Я. Фольклор и действительность. М., 1976, с. 264—269.

Как шапка из собачьей шкуры дала начало шапке-невидимке, так и волшебный перстень с тем же свойством вошел в европейскую традицию: он фигурирует в русской сказке «Бурза Волович» (АТ 300 А)²⁴, в поэме Ариосто «Неистовый Роланд» и т. п. Еще Платон сопоставил перстень Гига и шлем Аида в качестве талисманов невидимости²⁵. Все, связанное со смертью, обладает тем же магическим свойством. Отсюда развилась магия достижения невидимости живыми людьми: талисманами невидимости стали останки мертвецов.

Так, в примечаниях В. Эберхарда и Н. П. Боратава к турецкой сказке «Дервиш и девушка» (№ 154 по указателю ЕВ) приведен вариант, в котором дервиш разбрасывает «землю мертвых», чтобы всех усыпить, увести девушку и съесть ее. В сказке «Разбойник Мехмет» (ЕВ 153) атаман разбойников, убитых девушкой, проникает во дворец и усыпляет его обитателей при помощи фляжки «мертвой земли». В последний момент некий Голсс советует девушке разбить эту фляжку: атаман убит.

Колдовские действия с целью усыпления Фрэзер отнес к «гемеопатической магии»: мертвецы способны делать глухими, слепыми и немыми живых людей, если живой прикоснется к чему-либо, связанному со смертью. Фрэзер привел ряд примеров²⁶. Так, в индонезийском племени галело влсбленный, собираясь забраться в хижину девушки, берет немного земли с могилы и кладет на крышу, над тем местом, где спят домочадцы девушки: это должно погрузить их в глубокий сон. Магическое усыпление здесь эквивалентно невидимости усыпителя, а цель — овладеть девушкой, как и в турецкой сказке.

В «Золотой ветви» подчеркивается, что всегда и всюду эти способы применяли воры: у индусов вор бросает у порога наметенного дома пепел с погребального костра, у южных славян вор при первой краже втыкает кость покойника в крышу или стену дома и т. д. Фрэзер упустил из виду русскую сказку «Белая уточка» (Афан. 265, АТ 403 В). В ней ведьма хочет убить детей княгини, заглядывает в спальню, «видит: оба брата спят крепким сном, тстчас обвела их мертвой рукой — и они померли». К этому Афанасьев дал примечание: «Есть поверье, что воры запасаются рукой мертвеца и, приходя на промысел, обводят ею спящих хозяев, чтобы навести на них непробудный сон»²⁷.

Мертвая рука как средство усыпления выступает во всех вариантах сюжета АТ 304 («Охотник»), где великаны усыпляют обитателей дворца, чтобы похитить девушку.

²⁴ Русские сказки в Карелии (старые записи). Подг. текстов М. К. Азадовского. Петрозаводск, 1947, с. 79 (Сб. ОРЯС АН, 1877, XVII, № 3, текст 8).

²⁵ Платон. Сочинения. Т. III, ч. 1, с. 444.

²⁶ Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М., 1980, с. 41—42.

²⁷ Афанасьев А. Н. Русские народные сказки. Т. II, М., 1957, с. 326, 486.

В средневековой Франции мертвая рука называлась «рукой славы»: это была высушенная рука повешенного, в которую втыкалась свеча из жира другого казненного преступника. Люди увидевшие свет такой свечи, впадали в оцепенение, и вор мог спокойно грабить дом. Позднее «рука славы» была переосмыслена как средство отыскания зарытых сокровищ. Название *main de gloire* (рука славы) — результат ложной этимологии при передаче слова *mandragore*, названия кладоискательного корня, вырастающего под виселицами. Понятно, что воры и кладоискатели равно пользовались «рукой славы»: древнейший вид кладоискательства — это ограбление могил.

Мандрагора упоминается в Библии, у того же Платона²⁸ и т. д., но древние не связывали этот корень с кладоискательством и воровством. В примечаниях А. А. Тахо-Годи к «Государству» сказано: «Мандрагора — растение с корнем в виде человеческой фигуры, известное своим снотворным действием»²⁹. Очевидно, в средневековой Европе произошла смысловая конвергенция этого растения и руки казненного как средств усыпления. Однако магическая роль мертвой руки древнее.

По сей день мотив мертвой руки не распознан в египетской сказке «Сокровища Рампсенита» — АТ 950³⁰. Царь Рампсенит пытается использовать для поимки дерзкого вора свою дочь: поместив ее в дом блуда, он велит ей принимать всякого, кто сознается в самой хитрой проделке; когда же придет тот вор, она должна предать его страже. Запасшись рукою покойного брата, вор идет к царевне, признается ей в ограблении сокровищницы и проводит с ней ночь. Но когда она желает схватить его, вор подставляет ей отрезанную руку брата и убегает. На крик царевны сбегается стража, но девушка держит лишь руку мертвеца.

Мы усматриваем здесь порчу мотива вследствие непонимания. Геродот пересказал эту сказку по пересказу же Эвгемена Киренского, и в этой двойной передаче возникла чисто греческая выдумка: дочь фараона в публичном доме, чего не могло быть в египетском источнике. В оригинале была магия, столь любимая египетским фольклором: вор с помощью мертвой руки усыплял обитателей дворца или незримо проникал в опочивальню царевны, овладевал ею и вследствие этого получал ее в жены. Это плутовская травестия свадебного обряда с невидимым помощником, преступившим рамки своей роли.

Почему магию воров так часто используют дерзкие обольстители? Потому что овладение девушкой — одна из первых форм

²⁸ П л а т о н. Сочинения. Т. III, ч. 1, с. 291.

²⁹ Т а м ж е, с. 632.

³⁰ Геродот. История. Л., 1972, с. 116—118.

воровства, как женщина вообще — «первый объект собственности»³¹.

Такое безнаказанное воровство с помощью невидимости, усыпление жертв вора как эквивалент его невидимости, смерть как смысловой максимум усыпления входят как целое в мифологический комплекс Гермеса, вестника олимпийских богов и «самого авторитетного вора» Эллады.

В классическую эпоху он изображался в шляпе с крылышками, в крылатых сандалиях и с жезлом вестника в руке. Этот жезл, «керикейон», по-латыни «кадуцей», обвитый змеями и увенчанный теми же крылышками, мог усмирять споры и соглашать врагов. Но более ранним было представление о том, что Гермес прикосновением своего жезла мог погружать в сон любого из богов и людей. Поэтому греки делали ему возлияния перед сном. Мотив доброго духа-усыпителя сохранился в фольклоре Европы («Продавец песка», Оле Лук-оие и др.).

Гермес — покровитель купцов, странников и воров. Он же сопровождает в Аид души умерших и в этом качестве называется Гермес Психопомп («Проводник душ»). И способность усыплять, и воровское искусство Гермеса определяются его связью с миром смерти. Этот вор крадет людские души и уводит в царство Аида. Древнее представление «о братстве сна и смерти» хорошо описано А. Н. Афанасьевым в работе «Нечистая сила»³².

«Первобытный человек не верит в естественную неизбежность смерти: люди никогда не умирали бы, если бы не те или другие случайные злые козни людей или духов»³³. В древних цивилизациях эти «козни» были осмыслены как хищение души. Например, у шумеров: «Судьба человека была записана клинописью у богов в «Таблице судеб»; в час смерти за ним приходила олицетворенная судьба — бог Намтар, или Эккему-Похититель»³⁴. В иудейской религиозной поэзии смерть названа «жадным вором». В понимании греков душу похищает невидимый Гермес или Танатос, сын Ночи, который на черных крыльях слетает на землю, незримо входит в комнату больного и золотым ножом срезает прядь волос, тем самым посвящая человека в жертву подземным богам. Шумеры, иудеи, греки считали смерть воров.

Из подобных представлений и развилась специфическая «воровская магия», направленная на усыпление жертв и обретение невидимости. Магическое усыпление было «малой смертью», и потому боги-похитители душ стали покровителями воров.

³¹ Бородай Ю. М. К вопросу о социально-психологических аспектах происхождения первобытно-родовой общины. — Принципы историзма в познании социальных явлений. Сб. ст., М., 1972, с. 194.

³² Афанасьев А. Н. Древо жизни. М., 1982, с. 327—328.

³³ Штернберг Л. Я. Основы первобытной религии. — В кн.: Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936, с. 12.

³⁴ Дьяконов И. М. Эпос о Гильгамеше. М.; Л., 1961, с. 101.

Невидимость смерти и духов умерших — обычное представление индоевропейских народов. Духи приходят во мраке ночи и бегут от крика петуха (вестника утра). Позже возникло более изощренное объяснение их невидимости: духи умеют усыплять людей или погружать их в оцепенение. Таким же свойством обладают останки людей и животных. Из них и стали делать воровские талисманы (мертвая рука, шкура черной собаки, косточка черной кошки). Эти талисманы, атрибуты богов смерти, эквивалентны талисманам невидимости. Обрядовая маска тотемного животного превратилась в шапку-невидимку; аналогичное значение получили перстень мертвеца и кадуцей Гермеса.

Доступ к этим предметам получили эпические герои. Человек, отнимая у смерти ее сокровища, тем самым отчасти побеждает смерть. А. Н. Афанасьевым отмечено, что во множестве сказок «воровство рассматривается как своего рода доблесть, как подвиг, достойный прославления»³⁵.

Мы, люди XX века, вкладываем в понятие кражи однозначный смысл, мы забываем, что рождение собственности принесло людям голод и гибель, что борьба против собственности стала единственным шансом выжить, как умыкание невесты — единственным шансом продолжить свой род. Недаром древние греки классической эпохи отождествили бога подземного царства Аида с Плутоном («Плутос» — богатство), отождествили смерть и богатство. На заре истории кража была борьбой против смерти, люди крали только у смерти.

Мы должны понять огромную и принципиальную разницу между борьбой архаического героя против собственности как смерти и кражей в современном смысле слова. Осуждает ли, кражу, например, волшебная сказка? Разве она не карает богатого брата, укравшего у бедняка волшебную мельницу (АТ 565), или завистливых братьев, укравших у героя молодильные яблоки, чудесные предметы, спасенных царевен (АТ 301 А, 550, 551)? Разумеется, осуждает, но не кражу как таковую, а предательство, попрание родства. Хищение у брата, родича, наконец, у бедняка (который для фольклорного рассказчика стал сюжетным синонимом брата) — это подлость, а кража у врагов, у фараона, у барина — это добывание.

В первоисточке всех «эпических краж» лежит одно и то же — добывание сокровищ в царстве Смерти. Так, в дохристианских кельтских мифах, из которых позже развились легенды о Святом Граале, прекрасный юноша добывает талисман плодородия (чашу или копье), спасающий Голодную Землю, в замке короля Потустороннего мира — крадет талисман жизни у повелителя смерти³⁶.

³⁵ Афанасьев А. Н. Древо жизни, с. 316.

³⁶ См.: The Evolution of the Grail Legend, by D. D. R. Owen. University of St. Andrews Publications, 1968.

Красть у Смерти не предосудительно, как и обманывать ее. Геракл, отнимающий у смерти Алкестиду, — не грабитель, а герой. Аналогичным образом в мифах героизируется обман высшего бога: Прометей сначала обманывает Зевса при дележе мяса, а затем крадет огонь для людей. Этот «героический вор» — по сей день любимец человечества.

В позднем фольклоре преобладает обман черта мужиком, например, при дележе урожая («вершки» и «корешки») — АТ 1030. В русских вариантах мужик обычно обманывает медведя — главное тотемное божество германцев и славян. Сакральный обман тотема восходит к эпохе, когда человечество жило охотой, изобретая ловчие ямы и западни для мамонтов и носорогов. Только хитрость побеждала силу. Тогда и зародились сюжеты о хитрецах, трикстерах, побеждающих могучего, но недалекого зверя, или бога, или смерть.

Как в обрядах замены жениха, прятания невесты, свадебного ряжения и маскировки, так и в сюжетах о ловких ворах отразился сакральный обман тотемных животных и демонов — обман ради любви и жизни. Устойчивость этого мотива поразительна. Например, в поздней сказке типа АТ 306 «Ночные игры» (у Гримм «Стоптаные башмаки») шапка-невидимка помогает солдату спуститься в подземный мир, одолеть хитрости черта, жениться на царевне. Мотив невидимости остается связанным с браком, с добыванием невесты.

Смерть — величайший из воров. Обкрадывая смерть, человек возвращает отнятое у него же. Остроумие сказочного героя, вызывающее восхищение слушателей, заключается в том, что он отнимает сокровища у смерти (или у ее «социальных носителей») при помощи ее же собственных средств и способов действия. Человек возвышается до равной борьбы с самыми страшными силами, обращая против них их собственное оружие — сказочные талисманы невидимости.